

ISBN 978-5-98904-337-8
60×90 1/16
244 с., обложка

■ | Новая книга

Д.С. Рождественский

ВЕЛИКИЙ ИНКВИЗИТОР (размышления о контрпереносе)

Из предисловия **Н.М. Савченковой**

Невозможно написать книгу о психоанализе. Психоанализ можно только реализовать — неважно, в кабинете ли, на супервизии, в книге или на лекции. За прошедшие сто лет развития психоаналитической теории и практики произошли странные вещи. Вместо того, чтобы интегрироваться в целое научного знания, завершить процесс концептуального оформления и стать одной из разновидностей психологии, психоанализ оказывал упорное сопротивление любым законченным формам знания. При этом он настойчиво вплетался в социологическое, антропологическое, философское, лингвистическое и другие типы знания, скорее, тяготея к деконцептуализации, превращаясь из теории в опыт, стиль, способ смотреть и слушать.

Книга Дмитрия Рождественского называется «Великий инквизитор», что отсылает нас к великому роману Федора Михайловича Достоевского, заставляет вспомнить о расщепленном сознании одного из его героев. Позволим же и мы себе аналогию между психоанализом и романом жанром. В то же самое время, когда психоанализ обретал собственные очертания, Михаил Бахтин, размышляя над проблемой романа, выдвинул парадоксальный тезис, сказав, что романа как жанра не существует. Возможна только романизация других жанров. При этом нет никакого сомнения в том, что романы есть, каждый является прецедентом — заново изобретенной замысловатой конструкцией из слов. У романного жанра нет канона, но конкретный роман вполне может им стать. Законом романа является романное слово, оно определяет архитектуру и смысл творимого.

Есть большой соблазн увидеть здесь аналогию с психоанализом, также движимым речью другого человека, определяемым невоплотимым (фрейдовским) канонem. И во времена Фрейда, и после, каждая клиническая история — случай, прецедент. История психоанализа — своего рода звездная карта человеческих отношений. В конце XX века американский психоаналитик Томас Огден выразил мысль о том, что настоящее открытие Фрейда — вовсе не бессознательное, но особая форма общения; общения необычного, требующего специальных условий и состоящего всего лишь в чистой совместности бытия. Все другие человеческие связи встроены в практики иного рода — воспитание, образование, власть — и потому идеологически коррумпированы, обременены аффектами, составляющими само условие коммуникации. Только аналитический кадр представляет собой чистую возможность, к которой два человека могут пробиться, несмотря на все привычки «построения отношений». Только здесь люди, проходя через ловушки частичных определений, все же не становятся друг другу врагами, друзьями, любовниками, мужем и женой, детьми и родителями, жертвой и преследователем, начальником и подчиненным, но при этом остаются друг с другом и ведут странный разговор, который есть не что иное, как предельно конкретный опыт становления парой; опыт, насыщенный неопределенностью, аффектами, тревогой, ведущий, как ни странно, отнюдь не к союзу и слиянию, но, в идеале, к символическому рождению двух отдельных субъектов, «вспоминающих» в итоге самих себя. <...>

Книжку обрамляет образ мрачного подземелья, герои замкнуты в нем на первых страницах, а на последних героиня, побуждаемая своим собеседником, покидает подземелье, отправляясь наверх, к свету. Образ детализированный, перебивающийся разными реальностями. Погружаясь в этот мир на первых страницах, мы не понимаем — это вымысел, метафора, аллегория, настоящее воспоминание или фантазия? Автор честно признается: эта книга — мои размышления, они отражают «степень моей собственной запутанности». И такое признание дорогого стоит. <...>

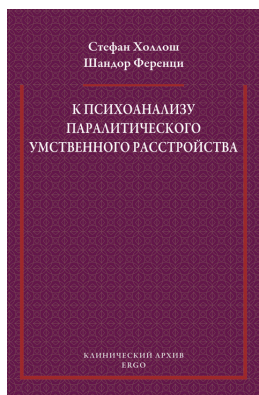
■ | Ex ERGO LIBRIS

Рихард Штерба «Словарь по психоанализу»: цитата...

В известной мере позитивно окрашенная аффективная установка со стороны аналитика необходима для неуклонного интереса к анализанду и для эмоционального вчувствования в его душевные процессы. Аффективная установка аналитика к анализанду становится расстраивающей, если превышает эту необходимую меру. Это происходит, прежде всего, если бессознательное аналитика берет анализанда в качестве объекта либидинозных и деструктивных тенденций в том смысле, что аналитик переносит на анализанда установки и порывы влечений, которые он обращал к объектам своего детства. Тогда говорят о *контрпереносе*. Бессознательное аналитика тем самым расстраивающе вмешивается в терапевтический процесс, аналитик при этом слишком широко аффективно идентифицирует себя с анализандом или отвечает на аффекты анализанда контрафактами. Тем самым аналитик утрачивает возможность постоянно бесстрастно конфронтировать с анализандом и для его блага — с реальностью и вскрывать для него инфантильную обусловленность его неправильных влеченческих и защитных реакций.

Стефан Холлош
Шандор Ференци

К ПСИХОАНАЛИЗУ ПАРАЛИТИЧЕСКОГО УМСТВЕННОГО РАССТРОЙСТВА

ISBN 978-5-98904-322-4
84×108 1/32
80 с., обложка

Книга двух венгерских авторов — великолепный пример научной интуиции авторов, их клинического мышления и смелой попытки войти с психоаналитическим методом и мировоззрением на тщательно охраняемую территорию психиатрических расстройств. Благодаря эвристичности психоаналитической теории эта попытка удается и успешно раскрывает понимание паралитических симптомов у психотических пациентов.

ЗАКАЗ КНИГ

Интернет-магазин «ERGOlibrum»:
www.ergolibrum.ru

СТЕФАН ХОЛЛОШ

истерика или парафреника, тогда появится возможность и здесь найти «понятные взаимосвязи». Мы хотим доисследовать, появляются ли деменция, забывчивость, идея о величии, числовые данные в умственном инвентаре пациента безразборно, «случайно» или осуществляется *выбор* в духе психоаналитической психопатологии¹.

ТОЛКОВАНИЕ ЧИСЛОВЫХ ДАННЫХ

Мы намекнули, что числа, приводимые паралитиками, могут быть доступными толкованию. Толкование внезапной мысли о числе здесь, конечно, не может быть предметом проведенной по всем правилам психоаналитической работы. Но, несмотря на это, мы, возможно, сможем прийти к некоторым выводам.

Тем более что впечатление, будто паралитики произносят числа не константно, очень часто является обманчивым. В действительности речь обычно идет не об отдельных внезапных мыслях, а о повторяющихся. Есть паралитики, которые на протяжении нескольких месяцев приводят в обозначение своего возраста одно и то же неверное число. Но давайте сначала рассмотрим те числа, которые больные приводят при своих идеях о величии или по другому поводу; здесь часто очевидно предпочтение определенных чисел. Один инженер всегда рассказывает, что построит трассу

¹ В литературе мне известна лишь одна работа, затрагивающая этот вопрос: Förster-Gregor. Über die Zusammenhänge der psychischen Funktionen bei der progressiven Paralyse. // Monatschr. f. Psych. u. Neur. XXVII:

«При чтении можно обнаружить слова-вставки, являющиеся выражениями усиления или превосходными степенями... Также по меньшей мере внешне присутствуют намеки на идеи о величии. Так, один больной говорит: «одолжить необходимое *золото* (Gold)» вместо *денег* (Geld). Один паралитик при чтении предложения: «Его жена заболела, и некому было за ней ухаживать» вместо слова «ухаживать» трижды прочел «ее похоронить». (Вероятно, один случай среди многих, требующий срочного толкования. Холлош.)

НАБЛЮДЕНИЯ

в 500 км, позднее он рассказывает, что пушка, на ядре которой он полетит на Марс, имеет диаметр 50 см, и он достигнет Марса за 15 секунд. Если принять эти данные за «персеверацию», мы должны допустить постоянную иннервацию продолжительностью в несколько месяцев, поскольку спустя четыре месяца тот же самый больной при опросе постоянно говорит о том, что купит своей невесте 5 электрических утюгов. Ведь «персеверация» — всего лишь слово, оставляющее открытым вопрос о более точной детерминации внезапной мысли. Один солдат, прежде бывший крестьянином, рассказывает, что привез из Сербии двенадцать сербских королей, двенадцать лет ходил в гимназию и имеет двенадцать прекрасных детей. Один врач говорит о 17 000 случаев, которые он якобы лечил, потом, что на него напал один 17–18-летний бродяга, и по другому поводу, что один коллега, делая инъекцию, втыкал в него иглу семь-восемь раз; позднее он говорит, что его кормили грудью до 18 месяцев, а на восьмом месяце жизни он уже прыгал по дому. Особенным предпочтением у очень многих больных пользуются числа 3, 6, 9, — реже десятки и пятерки. Из анализов невротиков мы знаем, какую роль играют эти числа, особенно 3, 6, 9, также нам известно значение сакральных чисел из мифологии. Конечно, многие паралитики предпочитают те числа, которые и в нормальном случае легче запоминаются и с которыми легче считать. Но помимо этого в выборе чисел, определенных для персеверации, кажется, участвует и аффективный момент, то есть момент чисто психической природы. Больной, случай которого мы подробно рассказывали выше, в различные моменты времени говорил, что он жил 3 миллиона 699 лет, однажды сказал, что в нем 3 миллиона 695 редек, в другой раз он говорит, что он пробыл в своей матери 39 лет. Гораздо раньше он говорил: «Я пробыл в моей матери 3 990 лет». Кроме того, он сообщает, что через три года после того как он из нее выпал, у него появился разум. Другой рассказывает, что бог 30 лет посылал с неба людей; в другой раз